

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И УТОПИЕЙ (ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ)

В статье рассмотрены основные события, произошедшие в Уральской области в 1929–1931 гг. связанные с обсуждением и трансформацией Первого пятилетнего плана, Сделаны выводы о формах и результатах дискуссии вокруг идеи «Большого Урала». Показаны последствия принятия плана «Большого Урала» для экономики Уральской области. Освещены взаимоотношения центральных и региональных органов власти в процессе планирования. Изучение документов партийных конференций Уральской области подводит к выводу о том, что к осени 1929 г. заканчивается самостоятельное планирование на региональном уровне.

Ключевые слова: история, Уралобком, Уральская область, индустриализация, коллективизация, капиталовложения, пятилетка, план.

Историографический «скачок» последнего тридцатилетия – от рассмотрения планов «социалистического строительства» как научно выверенного действия, до отрицания рационалистической составляющей в вариантах Индустриального проекта в СССР на рубеже 1920–1930-х гг., без сомнения, станет самостоятельным объектом изучения историков будущих десятилетий.

Наличие специального историографического исследования по указанной проблеме – книги И. Д. Панькина «Советская государственная промышленная политика на Урале в 20–30 гг. XX в. в отечественной историографии» [см.: Панькин], с одной стороны, позволяет обойтись без детального рассмотрения трудов исследователей истории индустриализации на Урале во второй половине 1920–1930-х гг. С другой стороны, определенная поверхностность изложения событий в монографии Панькина, обусловленная слабым знанием первоисточников – материалов о работе советских и партийных структур – обернулась отсутствием систематизации и периодизации становления и развития Первого пятилетнего плана в Уральском регионе, заставляя вновь обратиться к этому вопросу.

В качестве частного момента этого сюжета отмечу, что в книгах советской эпохи немалую ценность представляет хронологическая схема изложения событий, которая может указать (по крайней мере, внешне) на преобладающий вектор развития, например, на взаимосвязь инициатив Центра и местных органов власти.

В этой связи немалый интерес представляет книга В. Н. Зуйкова (1919–1984) «Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926–1932 гг.» [см.: Зуйков], считавшаяся классическим трудом по истории индустриализации Урала [см.: Лельчук, с. 269]. Частые ссылки Зуйкова на документы сборника «История индустриализации Урала. 1926–1932 гг.» позволяют при сравнении текстов государственных и партийных постановлений, резолюций, статистических материалов, приведенных в сборнике, с самими первоисточниками: архивными материалами и публикациями 1926–1930 гг. дать современную интерпретацию фактов и явлений.

В монографии Зуйкова отмечается: с начала 1925 г. Уралплан (Плановая комиссия Уральской области) приступил к созданию годовых планов развития региона, что позволило в конце 1926 г. подготовить доклад «Пути развития и основные задачи хозяйства Урала» в качестве наброска будущей программы развития производительных сил региона и основы раздела союзного пятилетнего плана. 27 января 1927 г., заслушав указанный выше доклад, СНК РСФСР поддержал его основные положения и предложил союзным и уральским плановым органам разработать планы, направленные на «всемерное расширение уральской промышленности и повышение ее технического уровня» [Зуйков, с. 24, 26].

Пресловутый «историко-партийный аспект» заставил Зуйкова ввести указание на выработку в ноябре 1926 г. на Пленуме Уральского областного комитета ВКП (б) (Уралобкома) «широкой программы строительства и технической реконструкции важнейших отраслей тяжелой промышленности» [Зуйков, с. 23].

Однако знакомство с материалами Пленума Уралобкома (20–24 ноября 1926 г.) подводит к совсем иному выводу. В документе, датированном 24 ноября 1926 г., речь шла только «Об итогах работы уральской промышленности за 1925/26 г. и перспективах на 1926/27 г.» [История индустриализации, с. 54]. Уделив главное внимание борьбе за «снижение себестоимости промышленных изделий и их удешевлении как главном условии дальнейшего накопления и развития промышленности», Пленум Уралобкома довольно самокритично отметил, что кампания по режиму экономии в промышленности дала только «первые частичные результаты и выявила ряд извращений, таких как показная бумажная экономия, дергание рабочих по мелочам и прочее». [Там же, с. 55–56].

Масштаб недовольства трудовых коллективов уральской промышленности «показной бумажной экономией и дерганием рабочих по мелочам» отчетливо выявил всплеск забастовок в Уральской области и в целом в СССР [см.: Фельдман, 2017].

Что касается перспектив развития уральской промышленности, то в резолюциях Пленума фиксировалось приоритетное развитие как традиционной ресурсной базы древесноугольной металлургии, так и расширение использования минерального топлива. В первом случае внимание акцентировалось на механизации лесозаготовительных работ, включая лесоперевозки. Во втором – возлагались надежды на добычу местного угля в Кизеловском районе [История индустриализации, с. 57].

Звучало только самое общее положение о необходимости реконструкции существующих и постройки новых заводов механического оборудования, ограниченное, впрочем, указанием на строительство Уральского машиностроительного завода (УЗТМ). Столь же общим был призыв к развертыванию на Урале отраслей химической промышленности [Там же, с. 58].

Показательно и другое: главное внимание на Пленуме Уралобкома было уделено внутрипартийной борьбе. Так, борьбе с блоком «троцкистов-зиновьевцев» практически целиком был посвящен доклад первого секретаря Уралобкома Д. Е. Сулимова [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 8, л. 2–94]. Что же касается выступления руководителя Уралоблплана Л. Е. Гольдича, то оно было посвящено только конкретным задачам 1926/1927 г. и жалобам на ВСНХ, сократившим финансирование уральской промышленности с запрошенных 80 млн до 63 млн руб. Гольдич обратил внимание и на тот факт, что если финансирование Уральской области в период 1923/24 – 1925/26 хоз. гг. выросло втрое, то в Северо-Западной области (центр Ленинград) – в семь раз [Там же, с. 99–100].

Приоритет проблем внутрипартийной борьбы над вопросами индустриализации станет постоянным явлением на Пленумах и конференциях Уралобкома 1926–1929 гг., превращая дискуссии о вариантах пятилетнего плана чаще всего либо в формальность, либо в заслушивание обширных, чисто технократических отчетов.

В то же время, логика деятельности Уралплана (активизированного принятием постановления СНК РСФСР от 28 января 1927 г. «О развитии Урала как мощной промышленной базы страны») привела в середине 1927 г. к созданию «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.», получившего высокую оценку в экономических журналах. Характерно, что «Предисловие» к Генеральному плану хозяйства Урала характеризовало документ как *«проект уральского отрезка союзного генерального плана»*. Признавая субординацию плановых ведомств, уральцы отмечали, что «публикуемый Генеральный план хозяйства Урала является *сводом материалов к генплану РСФСР и СССР*, которые могут быть исправлены и допол-

нены не только в деталях, но и в отдельных ответственных частях» [Генеральный план, с. IV].

Большинство современных исследователей, отмечая особенности Генерального плана, обоснованно указывают на нацеленность документа на комплексное развитие региона и дают ему положительную оценку: [см. например: Панькин, с. 99–100]. Реалистичность и научность «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)» при всех недостатках, обусловленных уровнем знания ученых и специалистов, идеологическими барьерами, имела историческое значение: *это был вариант модернизации в рамках нэповской экономики*, который бы позволил создать необходимый индустриальный потенциал без огромных человеческих потерь [Фельдман, 20186].

Тем не менее, именно эта позиция – готовность к сохранению многоукладной экономики – вызвала недовольство представителей ортодоксального марксизма и, как следствие, отразилась в советской историографии [см.: Гладков]. В монографии Зуйкова Генеральный план хозяйства Урала подвергается резкой критике за «минимализм плановых заданий; за сокрытие возможностей большего развития»; за участие в разработке специалистов дореволюционной экономической школы и т. д. [см.: Зуйков, с. 26–28]. Однако единственным доводом в пользу такого обличения выступала величина затраченных в регионе за годы первой пятилетки капиталовложений, существенно превышавшая предполагаемый объем финансирования по Генеральному плану хозяйства Урала.

Заметим, что до лета 1929 г. научная и практическая ценность Генерального плана хозяйства Урала не вызывала сомнения у современников. Так, 3 мая 1929 г. в докладе председателя Уралплана и Уралоблсовнархоза Л. Е. Гольдича на Седьмом областном съезде Советов о перспективах развития промышленности Урала в первой пятилетке отмечалось: «Генеральный (Перспективный) план уральского хозяйства в основном совпал с генеральной линией партии», включая в себя всемерную индустриализацию хозяйства, форсирование социалистического сектора в экономике, в первую очередь – социалистическое переустройство нашего сельского хозяйства [История индустриализации, с. 170].

Доклад Гольдича – активного участника создания программ индустриализации Уральской области – несет информацию, позволяющую уточнить периодизацию процесса планирования индустриализации на Урале и выделить его первый этап.

Гольдич подчеркнул, что подготовка и издание Генерального плана хозяйства Урала на пятнадцать лет не только позволили сформировать видение социально-экономического развития региона на длительный период, но и стали методологической основой для выпуска в том же 1927 г. нескольких более уточненных работ – пятилетних хозяйственных перспектив.

Как сообщает «Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Седьмому областному съезду Советов», начиная с 1926/27 гг. работа плановых органов Урала была сосредоточена главным образом на создании «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.». Особенностью этого плана было то, что он был *самостоятельно* составлен коллективом специалистов Уралплана, с привлечением наиболее квалифицированных специалистов региона и стал «основной руководящей экономической программой» для составления пятилетнего плана развития экономики Урала». В июне-июле 1928 г. эта работа была завершена и распечатана. Начиная с осени 1928 г., велась непрерывная *проработка варианта* пятилетнего плана Уральской области в Госплане, ВСНХ и других ведомственных плановых структурах. При этом большая часть наметок Генерального плана на предстоящее пятнадцатилетие оказалась *передвинута на первое пятилетие*. То, что намечалось сделать за пятнадцать лет, предполагалось осуществить в значительной части за пять лет [см.: Отчет, с. 37–38].

Дальнейшая доработка пятилетних хозяйственных перспектив в свете указаний ВСНХ привела к появлению «значительно более уточненного перспективного плана, который во всех своих важнейших частях был согласован с Центром и вошел в общесоюзный пятилетний план как уральский отрезок в союзном пятилетнем плане, как его неотъемлемая часть» [История индустриализации, с. 170].

Разработанные учеными и специалистами края в течение 1928 г. несколько вариантов пятилетнего плана развития экономики Урала (Уральской области) легли в основу доклада Уралплана «Урал как промышленный комбинат и задачи пятилетки», представленного Госплану СССР в январе 1929 г. Примечательно, что в монографии Зуйкова дается высокая оценка этому документу: «основные показатели развития промышленности за пятилетку были четко спланированы, в основном отвечали экономическим потребностям края», и без существенных изменений вошли в Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР [см.: Зуйков, с. 29–30].

Пленум Уралобкома в январе 1929 г., заслушав информацию Уралплана о подготовке планов развития экономики Урала, подтвердил, что процесс планирования соответствует общей линии хозяй-

ственной политики партии и общим задачам хозяйственного строительства Урала [История индустриализации, с. 151–152]. Аналогичные выводы прозвучали и в документах Девятой партийной конференции коммунистов Уральской области в апреле 1929 г. [Там же, с. 157–165]. В резолюции «О пятилетнем плане развития народного хозяйства Урала» подчеркивалось: «конференция одобряет представленный общий пятилетний план развития народного хозяйства Урала и констатирует, что он разработан в полном соответствии с генеральной линией и основными директивами экономической политики партии». Резолюции конференции нацеливали на необходимость «более широкого обсуждения и проработки пятилетнего плана народного хозяйства Урала; наряду с общими вопросами и на уровне округа, района и предприятия».

Таким образом, кропотливая работа плановых структур Уральской области, опирающаяся на достижения мировой и советской экономической мысли, опыт развития горного края в дореволюционный период, позволила выработать пятилетний план комплексного развития Уральской области.

Отметим однако принципиальный момент, на который советская историография «закрывала глаза»: и региональный, и общесоюзный пятилетний план, утвержденный в апреле 1929 г. [см.: Проблемы, с. 3–5], предполагали развитие на путях многоукладной экономики, нацеливая на взаимодействие плана и рынка, на их взаимодополняющее проявление; опровергая невозможность спланировать развитие многоукладной экономики, из-за «теоретико-идеологического прессинга большевиков» [см.: Фельдман, 2018a].

Риски реализации указанных планов историки видят прежде всего в том, что экономика страны не была подготовлена к ускоренной индустриализации: в дефиците сырья и материалов нужного качества; нехватке квалифицированных кадров с опытом работы в крупной промышленности, неразвитости смежных производств, транспортной сети и т. д. [Шпотов, с. 286]. Обращается внимание на существенное нарушение финансового равновесия, начиная с зимы 1929 г. [Дэвис, с. 20].

Насколько все-таки реалистичными были представленные программы? Как и общесоюзный пятилетний план, «уральская пятилетка» подверглась неоднократным корректировкам в сторону увеличения плановых показателей. Тем не менее, указанные документы весной 1929 г. еще имели запас прочности в лице сохраняющейся сбалансированности финансовых, материальных и людских ресурсов; взаимодействия государственного, кооперативного и частного секторов экономики; позволяли избежать разорения миллионов ремеслен-

ников, кустарей, мелких предпринимателей, наиболее умелой части крестьянства.

Главным же риском для пятилетних планов стала опасность вмешательства идеологического характера, выпукло отразившаяся на ходе внутрипартийной борьбы в 1928–1929 гг.

В этом плане примечательна работа Девятой партийной конференции коммунистов Уральской области в апреле 1929 г. Уделив большое внимание рассмотрению вопросов международного положения; критике (пока еще безымянного) правого уклона, делегаты конференции только *заслушали* доклады о пятилетнем плане, о развитии промышленности и т. д. Не возникли у делегатов партийной конференции вопросы о судьбе многоукладной экономики в регионе; о способности за пятилетие освоить капиталовложения в размере 2,7 млрд руб. (1,6 млрд руб. – в промышленность); о соотношении этих величин с расходами на технику безопасности – 2,3 млн рублей [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 7, л. 194 об., 402]. И в силу ограниченности общеобразовательной и профессиональной подготовки, и в силу «затишья перед бурей» – до решающего сражения сторонников и противников нэпа на апрельском Пленуме ЦК оставалось еще десять дней – делегаты обошлись без серьезного рассмотрения плановых программ.

Максимумом возможного стали претензии отдельных делегатов к союзному руководству по поводу недостаточного выделения средств на строящиеся объекты, либо выражения несогласия по частным вопросам [Девятая областная, с. 39].

Тем не менее, сама *дискуссионность обсуждения проблем* индустриализации в правящей партии; наличие в руководстве СССР функционеров, способных противостоять волонтаристам – позволили до лета 1929 г. сохранить относительно реалистический вариант планов первой пятилетки.

Вдохновенные слова монографии Зуйкова о выработке обоснованного «плана великого созидания, социально-экономического преобразования страны», с огромной по тому времени суммой капиталовложений в уральскую промышленность – в 1 962 млн руб.; с темпами роста фондов промышленности края, в 2,5 раза превышавших средние показатели по СССР» [Зуйков, с. 30], со всей определенностью указывали на высокую научную и практическую значимость принятых программ модернизации. На это же нацеливала и реплика Зуйкова о том, что «задания пятилетнего плана были грандиозными, но выполнимыми», а «жизнь полностью подтвердила реальный характер пятилетки» [Зуйков, с. 32–33].

От теоретических поисков 1926–1928 гг. советская экономическая мысль весной 1929 г. вышла на уровень конкретного пятилетнего плана и на союзном, и на региональном уровнях.

Однако весна 1929 г. стала завершением первого этапа становления и развития Первого пятилетнего плана. Показательно, что сразу же после поражения сторонников сбалансированного развития экономики на апрельском Пленуме ЦК в кратчайший период – с 13 апреля (дня завершения областной партийной конференции) до 3 мая 1929 г. (дня открытия Седьмого областного съезда Советов) – размеры предполагаемого (за пятилетку) финансирования экономики Урала стремительно подскочили: с 2,7 млрд руб. до 3,5 млрд руб., в том числе в промышленность с 1,6 до 2 млрд руб. [История индустриализации, с. 173].

Наступило время второго этапа: с лета 1929 г. начинается период стремительного необоснованного увеличения плановых показателей и разрыва с нэповской экономикой. Потому неудивительна та легкость, с которой Зуйков отказался от поддержки «плана великого созидания» в пользу «радикального и быстрого пересоздания промышленности Урала».

Рассмотрим аргументацию «классического труда по истории индустриализации Урала». Основными предпосылками для значительного расширения заданий пятилетнего плана, по утверждению автора, являлись «успехи в хозяйственном строительстве, новое соотношение классовых сил в стране, упрочение социалистического сектора, ранее невиданный энтузиазм народных масс» [Зуйков, с. 33].

Если говорить об «успехах хозяйственного строительства», то следует заметить, что действительно высокие темпы промышленного развития и стремительно растущее капитальное строительство в период 1928 – весны 1929 г. сочетались с нарастающим кризисом хлеба-заготовок, со свертыванием кустарного и ремесленного производства в силу налогового и административного давления и, как следствие, широкомасштабным расстройством системы снабжения [см.: Осокина, с. 95].

«Нам нужен внешний кредит на 1,5 млрд руб. ... Можем рассчитывать только на 700 млн руб.» – так говорил на ноябрьском пленуме (1928 г.) ЦК ВКП (б) Г. М. Крижановский. [Как ломали нэп, с. 54–55]. О высокой степени напряженности внутренних финансовых ресурсов экономики Советского Союза начиная с осени 1927 г. говорилось в материалах пятого Съезда Советов госпланов СССР (7–14 марта 1929 г.) [Проблемы, с. 235–298].

Проблема поиска недостающих средств казалась неразрешимой. И самый простой вариант для многих партийных работников виделся в изъятии «излишков» средств у зажиточной части крестьянства и кустарей. Закономерно, что различные подходы к решению проблемы дефицита финансовых средств стали главным вопросом дис-

куссии на апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП (б), справедливо названной «апогеем» споров в партийно-хозяйственной элите СССР о выборе пути, форм и методов социалистической модернизации [Как ломали нэп, с. 5].

Первый фактор – «успехи в хозяйственном строительстве» – явно выглядит надуманным: предпосылок для резкого увеличения объема капиталовложений в экономику не наблюдалось.

Что же касается «нового соотношения классовых сил в стране», то тезис Сталина об «обострении классовой борьбы» активно использовался для сплочения верхнего эшелона большевиков на антинэповских позициях. Тем не менее, проблема заключалась в том, что возросший в разы налоговый пресс на предпринимателей не мог дать сколько-нибудь значительных поступлений: 57 % нэпманов имели, судя по декларациям, годовой доход до 3 тыс. руб., еще 30 % – от 3 до 5 тыс. руб., опровергая утверждение о существовании в СССР более или менее значительной прослойке буржуазии [см.: Калмыков, Петров, с. 172].

Таким образом, из аргументов Зуйкова остаются «упрочение социалистического сектора и энтузиазм народных масс». В первом случае речь шла о расширении государственного сектора в народном хозяйстве. Существовал, однако, хорошо известный факт, как в экономической практике 1920-х гг., так и в исторической науке: хроническая нерентабельность предприятий тяжелой промышленности [см.: Бокарев, с. 132], не позволявшая надеяться на приток средств из оплота «социалистического сектора».

Второй аргумент – ставка на «социалистическое соревнование» (движение ударников) в короткий срок показал свою неэффективность, натолкнувшись на немотивированную интенсификацию труда. Моральные стимулы к труду на производстве приобрели широкое применение в годы первой пятилетки. Награждение рабочих разнообразными ведомственными грамотами и, как правило, недорогими подарками; занесение на заводскую Доску почета; публикации о передовых рабочих в стенгазетах, многотиражках, местной и центральной печати – все это, без сомнения, имело положительное значение для формирования внешне уважительного отношения к труду рабочего человека. Проблема заключалась в том, что приоритет моральных стимулов оказывался малоэффективным в период голода и тотального дефицита в стране в начале 1930-х гг. Следствием этого стала девальвация звания ударника [Козлов, Хлевнюк, с. 125–126].

Естественно, что большая часть рабочего класса в СССР либо не откликнулась на партийный призыв [Урало-Кузбасс, с. 393], либо только числилась в списках ударников производства. На первый

взгляд парадоксально, что об этом (под смех присутствующих), сообщил делегатам XVI съезда партии секретарь ЦК ВКП (б) Л. М. Каганович [XVI съезд, с. 118].

Таким образом, причины, повлекшие резкое увеличение плановых заданий, следует отнести к разряду чисто субъективных. Монография Зуйкова освещает одну сторону проблемы: «опираясь на энтузиазм (!) и творческую инициативу масс», уральцы «проявили смелую и ценную инициативу по изменению первоначального задания пятилетнего плана в области промышленного строительства. Всплеск такого энтузиазма, указывает Зуйков, привел к разработке плана «Большого Урала», утвержденного на пленуме Уралобкома в апреле 1930 г. [Зуйков, с. 37].

Однако тот же автор сообщает: еще в ноябре 1929 г. была образована *комиссия ВСНХ СССР по пересмотру пятилетнего плана*, руководствующаяся в своей работе августовскими (1929) постановлениями ЦК ВКП (б) об ускорении развития ряда отраслей. Именно ВСНХ было поручено Сталиным в очередной раз переработать перспективный план развития уральской промышленности и транспорта [Зуйков, с. 40, 43].

Аппарат ВСНХ обязывался *в деталях* разработать новый перспективный план уральской промышленности, представив его в марте 1930 г. для окончательного рассмотрения на заседании Президиума ВСНХ. Детальная разработка Плана для Урала в специальной комиссии ВСНХ по пересмотру пятилетнего плана Урала проходила плодотворно, сообщает монография Зуйкова [Зуйков, с. 39, 40].

О «плодотворности» контроля ВСНХ свидетельствует стенограмма заседания комиссии при Уралобкоме по пересмотру пятилетнего плана от 11 января 1930 г.: ее участники – руководители Уральской области (В. Н. Андронников, М. П. Ошвинцев, Дидковский) легко соглашались с принятием самых фантастических плановых показателей – так понимались в тот момент партийная дисциплина и верность генеральному курсу партии [ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 419, л. 1–15]. Робким скрытым возражением стала только реплика заместителя председателя Уральского облисполкома В. Н. Андронникова: для выполнения скачка производства в черной металлургии (более чем в десять раз!) требуется четыре миллиарда рублей (вдвое больше, чем планировалось выделить на всю экономику края весной 1929 г.). Робость профессионального революционера, прошедшего подполье и Гражданскую войну, была объяснимой: стенограмма заседания комиссии отправлялась в орготдел ЦК ВКП (б). ЦК, в свою очередь, требовал плана публикаций каждого члена бюро Уралобкома в печати по теме «исторической значимости» плана «Большого Урала» [Там же, л. 16 – 16 об.].

Даже в тех случаях, когда уральские лидеры пытались как-то видоизменить пятилетние программы, руководство ВСНХ *быстро ставило на место регионалов*. Показателен случай с предложением И. Д. Кабакова на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) увеличить производство металла на Урале за счет использования местного кокса: негативная реакция руководителя ВСНХ В. В. Куйбышева была весьма ироничной и жесткой [Как ломали нэп, с. 191, 264].

Как видно, организационная сторона вопроса о соотношении управленческих действий центра и регионального руководства просматривается достаточно четко: руководители Уральской области выполняли установки ЦК ВКП (б). С конца апреля 1929 г. сопротивление сторонников нэповской модели в ЦК было преодолено; препятствий на пути экономического волюнтаризма (по крайней мере, в период 1929–1930 гг.) не оставалось. *Время самостоятельного планирования на региональном уровне ушло в прошлое.*

Директивы Сталина все больше превращались в генеральную линию партии, определяя курс экономической политики. Кроме того, кто бы мог позволить краевому руководству Уральской области (даже в самых смелых мечтах) увеличить капиталовложения за пятилетие более чем в четыре раза (с 1 962 млрд руб. по плану весны 1929 г. – до 8,7 млрд руб.)? [Зуйков, с. 38].

Таким образом, «смелая и ценная инициатива по изменению первоначального задания пятилетнего плана» лидеров Урала могла касаться частных (например, масштабов использования местных природных ресурсов; консервации отдельных небольших предприятий). Реальность же заключалась в обязанности выполнять «детально разработанные» планы ВСНХ. Фиксируются и инструменты «ускорения»: например, постановление ЦК от 15 мая 1930 г. «О работе Уралмета», диктующее конкретные параметры увеличения темпов развития отрасли.

По оценке Зуйкова, «идея «Большого Урала» в целом имела положительное значение и принесла немалый хозяйственный и политический эффект» [Зуйков, с. 38]. Можно дискутировать с автором по поводу «политического эффекта», но что касается «хозяйственного эффекта», то буквально следующая же фраза монографии относительно плана «Большого Урала» – «конкретные расчеты по перспективному развитию промышленности не были экономически обоснованы, не учитывали реальных возможностей обеспечения намеченного роста производства материальными и финансовыми ресурсами» [Зуйков, с. 38] – опровергает научную обоснованность резкого увеличения промышленных показателей.

Неоспоримая действительность порою заставляла «певцов советской индустриализации» проговаривать удивительные слова: крамольные для своего времени, но переживающие эпоху.

Даже из короткого обзора событий из истории становления Первого пятилетнего плана видно: жизнь аппарата правящей партии и научного планирования в СССР развивались по расходящимся векторам, сближаясь, как известно, только в моменты особых испытаний Советского государства.

Постановления ЦК ВКП (б) в августе 1929 г. требовали от ВСНХ коренным образом пересмотреть темпы развития, намеченные по утвержденному пятилетнему плану [Тельчук, с. 127]. В свою очередь, ВСНХ под руководством Куйбышева в директивном порядке настаивал на изменении региональных планов.

Подчиняясь столь решительным установкам союзного Центра, Пленум Уралобкома ВКП (б) в октябре 1929 г. «обнаружил», что «контрольными цифрами не учтены возможности высоких темпов развития основных ведущих отраслей уральского хозяйства» [История индустриализации, с. 181]. В результате Пленум счел возможным, «согласиться с *намеченным* (выделено мною. – М. Ф.) увеличением общего роста продукции промышленности Урала на 32 %; увеличением производительности труда на 25 % и снижением себестоимости на 11 % при росте зарплат на 10 %. В духе времени звучали слова: «для всех предприятий контрольные задания являются обязательным минимумом», давалось указание на главный инструмент регулирования экономических проблем – «укрепление трудовой дисциплины» [Там же, с. 182]. Спустя два месяца – в декабре 1929 г. очередной Пленум Уралобкома ВКП (б) уточнил масштабы роста капиталовложений на текущий (1929/30) год: они увеличивались с 540 до 900 млн рублей! [Там же, с. 212]

На чем же основывались «открывшиеся возможности»? Ответ на этот вопрос монографии Зуйкова поразителен: на широком использовании уральского угля, как металлургического топлива; на перспективах (!) развития уральской нефти, а также благодаря «значительному отставанию уральского транспорта (главным образом железнодорожного) от растущих потребностей уральского хозяйства» [Зуйков, с. 38]. С учетом явной ограниченности ресурсов Кизеловского угольного бассейна [см.: Баканов, с. 145–147], очевидна надуманность подобных заявлений.

Драматизм ситуации усиливался еще и тем, что, несмотря на широкую эмиссию денежных средств, деньги в уральскую экономику поступали с перебоями: задержки в финансировании стали системными, усугубляя трудности предприятий и организаций.

Выход из сложившегося положения генсек и его сподвижники видели в дальнейшей централизации управления и концентрации рычагов управления в руках центральных ведомств. 30 января 1930 г. ЦИК и СНК ликвидировали товарное (коммерческое) кредитование в обобщественном секторе, заменив его исключительно банковским кредитованием, сконцентрировав в Госбанке кредитование и расчеты между предприятиями. Госбанк перешел к кредитованию отдельных операций предприятий [История социалистической экономики, с. 172–176].

Одновременно союзный центр пытался найти выход из фактически кризисной ситуации за счет управленческих решений. План «Большой Урал», предполагавший создание многопрофильного промышленного регионального комплекса, должен был обеспечить минимизацию издержек межотраслевого взаимодействия внутри Уральской области. План Урало-Кузбасс [см.: Урало-Кузбасс] решал аналогичную задачу на межрегиональном уровне.

Решение указанных задач явно затруднялось той ролью, которая была отведена «провинциалам». Перспективы развития промышленности по плану «Большого Урала» «наиболее широко и обстоятельно обсуждались на Десятой областной партийной конференции в июне 1930 г.», сообщает Зуйков [Зуйков, с. 37]. Однако стенографический отчет Десятой областной партийной конференции фиксирует иное. Упоминание в ряде выступлений плана создания «Большого Урала» фактически сводилось к тезису о *возможностях* использования богатых природных ресурсов края. Озвученные в Генеральном плане хозяйства Урала идеи комплексной переработки добываемых руд, кооперации по горизонтали и вертикали на конференции не поднимались.

Примечательно и другое: перед делегатами конференции неоднократно выступали рабочие «от станка» – но только для того, чтобы зачитать приветственные адреса от крупнейших предприятий Урала. Только мельком в отчетном докладе Уралобкома, выступлениях партийных функционеров были упомянуты отдельные перегибы в уральской деревне в ходе коллективизации [ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 5, л. 93].

Правда, в докладе руководителя Уралоблсовнархоза Л. Е. Гольдича фрагмент о положительном импульсе постановлений ЦК, адресованных уральской промышленности, быстро сменился сюжетами о нехватке квалифицированных рабочих и запущенности важной отрасли – лесозаготовок, где преобладание ручного труда вынуждало задействовать до 300 тыс. рабочих. Гольдич только констатировал серьезное невыполнение плановых заданий по большинству показателей индустриального развития в первом полугодии 1929/30 хоз. г. Проблематичность положения с жильем, с оплатой труда, с тяжелы-

ми условиями повседневного труда обусловила срыв всех планов по повышению производительности труда в уральской промышленности [Там же, л. 221–225]. Представляет интерес сравнение текстов приведенного выше выступления Гольдича и доклада Уральского облисполкома в правительстве (СНК) РСФСР 29 апреля 1930 г. [Там же, д. 415, л. 1–26]: представителям республиканской власти были представлены *иные объяснения* трудностей уральцев, более совпадающие с формулировками партийных постановлений.

На первый план в Докладе выдвигались: слабое проведение принципа единоначалия в руководстве предприятиями; нечеткое распределение обязанностей; недостаточная профессиональная подготовка руководителей; «недоверие инженерно-технических работников к “взвинчиванию темпов”». Последнему сюжету уделялось особое внимание: недоверие специалистов переросло в «сопротивление и во вредительство одной части инженерно-технических работников, и пассивность – у другой», – зловеще фиксировал Доклад [Там же, д. 415, л. 3 об.].

Претензии к Центру, превратившему «режим экономии» в минимизацию расходов на жилищное строительство и здравоохранение, жалобы на низкую оплату труда, на мизерные расходы на охрану труда [Десятая областная, с. 89] в Докладе не прозвучали: просители не хотели раздражать просимых: именно на правительство РСФСР возлагалась ответственность за разработку плана благоустройства рабочих поселков (водоснабжение, бани, столовые, ясли, прачечные) [История индустриализации, с. 192].

Все что могли уральцы весной 1930 г. – обратить внимание на масштаб хаоса в экономике края в результате неоднократного увеличения производственных заданий: из 47 действующих мартеновских печей 20 вышли из строя. Вместо 300–400 положенных плавов в год каждая мартеновская печь давала не более ста. Не лучше было положение и в доменном производстве Уральской области [ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 5, л. 93].

Проведение XVI съезда партии в июне 1930 г. по сталинскому сценарию позволило генсеку вновь обратиться к теме увеличения темпов индустриального развития. Второе резкое повышение плановых заданий для промышленности СССР пришлось на лето 1930 г. Исходя из чисто волевого подхода, без всякого научного обоснования, Сталин требовал очередного пересмотра пятилетнего плана в сторону его резкого увеличения, одновременно выдвинув лозунг «пятилетку в четыре года», а в основных отраслях – в 3,5 года. [XVI съезд, с. 57–58].

Выполняя партийные директивы, подготовленный президиумом ВСНХ проект постановления от 8 июля 1930 г. предусматривал увели-

чение капиталовложений в экономику Уральской области за пятилетку с 1 952 млн руб. до 5 873 млн руб., или в три раза. Скачок валовой продукции промышленности предполагалось обеспечить более чем в *восемь раз* (также второе выше, чем по показателям первого пятилетнего плана!) – с 529 до 4 421 млн руб. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 419, л. 17].

Неоднократные необоснованные корректировки плановых заданий в сторону повышения, в соответствии с указаниями Сталина, разрушали попытки научного планирования. Получалось, что план как таковой терял свое значение. «Вакханальное планирование», осуществляемое под личным руководством Сталина, вытесняло все принципы рационального планирования [Такер, с. 124].

Однако у любого проявления волюнтаризма есть свои объективные и субъективные пределы. Приняв участие в пересмотре плановых заданий вместе со Сталиным, руководитель ВСНХ В. В. Куйбышев, изучив реальную статистику, понял всю бессмысленность завышения контрольных цифр. С лета 1930 г. нарастает критическое отношение Куйбышева к «бешеным темпам» [Такер, с. 123].

Очевидные нотки раздражения политикой Центра прозвучали на Пленуме Уралобкома в январе 1931 г.: причины выполнения производственных планов за 1929/30 г. в отраслях промышленности Уральской области только на 70–80 % были во многом связаны с тем, что экономика Уральской области вместо необходимых 2,5 млрд руб. получила только 1,6 млрд руб. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 9, д. 2, л. 35].

Статья А. П. Таняева в журнале «Уральский коммунист» (печатном органе Уралобкома), опубликованная в конце 1930 г., насыщенная аргументированной критикой необоснованных планов форсированного рывка промышленного развития в Уральской области, явно говорила о не только о позиции автора «Уральского коммуниста» [см.: Таняев].

Сам факт выхода подобной публикации в 1930 г. в партийном журнале говорил об определенной поддержке публикации А. П. Таняева со стороны областных руководителей даже с учетом того, что из-за внутрипартийных баталий (и связанных с ними «организационных» и «теоретических» выводов), журнал «Уральский коммунист» не приступил к научному обсуждению вариантов Первого пятилетнего плана в Уральском регионе.

Журнальное «безмолвие» способствовало принятию нереальных планов, и предостерегающая статья А. П. Таняева в 1930 г. была запоздавшим сигналом бедствия вслед уже ушедшему поезду. Время прозрения еще не пришло, но некоторые шаги к нему были сделаны.

Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск : Энциклопедия, 2012.

Бокарев Ю. П. НЭп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // НЭп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2006. С. 121–133.

Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск : Уралплан, 1927.

Гладков И. А. К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 106–142.

Девятая областная партийная конференция, 5–12 апреля 1929 г. Свердловск : Уралполиграф, 1929.

Десятая областная конференция ВКП (б), 3–12 июня 1930 г. : стеногр. отчет. Свердловск : Госиздат, 1931.

Дэвис Р. У. Советская историческая реформа в исторической перспективе // НЭП: приобретения и потери. М. : Наука. 1994. С. 7–26.

Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926–1932 гг. М. : Мысль, 1971.

История индустриализации Урала. 1926–1932 гг. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967.

История социалистической экономики : в 7 т. Т. 3. Создание фундамента социалистической экономики в СССР (1926–1932 гг.). М. : Наука, 1977.

Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б). 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 3. Пленум ЦК ВКП (б). 16–24 ноября 1928 г. М.: МФД, 2000.

Калмыков С. В., Петров Ю. А. Налоги на предпринимательскую деятельность в царской России и в период нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2006. С.154–175.

Козлов В. А., Хлевнюк О. В. Начинается с человека. М. : Политиздат, 1988.

Лельчук В. С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М. : Наука, 1975.

Осокина. Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд., доп. М. : РОССПЭН, 2008.

Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета депутатов шестого созыва, 1927 – апрель 1929 (к седьмому съезду советов). Свердловск : Изд. Уралоблисполкома, 1929.

Панькин И. Д. Советская государственная промышленная политика на Урале в 20–30 гг. XX века в отечественной историографии. Челябинск : Урал. акад., 2013.

Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний перспективный план на пятом съезде советов госпланов). М. : План. хоз-во, 1929.

Такер Р. Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941. М. : Центрполиграф, 2013.

Таняев А. П. О современном лице промышленных кадров Урала // Урал. коммунист. 1930. № 11–12. С. 24–31.

Урало-Кузбасс: от замысла к реализации : сб. ст. и док. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2010.

Фельдман М. А. «Генеральный план развития Уральской области: на 1926–1941 гг.»: между мифом и реальностью // Эпоха социалистической реконструкции:

идеи, мифы и программы социальных преобразований : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–27 октября 2018 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 304–316 (а).

Фельдман М. А. Отклик на материал «Влияние коллективизации на судьбы России в XX в.» (Российская история. 2018. № 4) [Электронный ресурс] // Форум ученых-историков. URL: <http://российская-история.рф/forum> (дата обращения: 15.12.2019) (6).

Фельдман М. А. Трудовые конфликты на промышленных предприятиях Уральской области в «юбилейный» год советской власти: проблема взаимоотношений власти и рабочих в 1927 г. // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 115–127.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (6). 26 июня – 13 июля 1930 г. В 2 ч. Ч. 1. М. : Партиздат. 1935.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Свердловский обком ВКП (6).

Шпотов Б. М. Модернизация и торможение как характерные черты советской индустриализации. Конец 1920-х – 1930-е гг. // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург : Ин-т истор. и археол. УРО РАН, 2006. С. 285–287.

УДК 94(47).01/02(093)

А. М. Харитонов

ЛЕТОПИСИ И ДРУГИЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Современная историческая география Древней Руси подпала под жесткий диктат геополитических установок исторического мышления Нового времени. По этой причине в ней накопилось множество ошибок, которые негативно влияют на развитие смежных научных дисциплин.

Ключевые слова: летописи, Аристотель, Древняя Русь, историческая география, Куява, Арса, Славия.

Если сопоставлять значимость географических сведений исторических источников по географии Древней Руси, то в исторической науке их построение по ранжиру будет выглядеть примерно следующим образом: наиболее значимыми признаются скандинавские, затем западноевропейские, еще ниже ставятся византийские источники и отечественные летописи, а замыкать список должны сведения восточных ученых.

С точки зрения современной географической и картографической науки это выглядит странным, если сопоставлять общегеографическую картину мира, которую в средние века давали западная и восточная